

Соотношение между экстремизмом и терроризмом

Различные проявления терроризма и экстремизма как неизбежное зло присущи жизни современного общества. Не обошли они и Россию. С учетом высокой степени общественной опасности уровень преступлений террористической и экстремистской направленности можно считать весьма высоким. Так, преступлений экстремистской направленности в 2004 г. было совершено 130, в 2005 г. – 124, в 2006 г. – 263, в 2007 г. – 115, в 2008 г. – 460, в 2009 г. – 548. Преступлений террористического характера в 2007 г. было совершено 759*, в 2008 г. – 642, в 2009 г. – 654.

Российское уголовное законодательство рассматривает эти две группы преступлений как самостоятельные: экстремистские преступления отнесены к посягательствам на основы конституционного строя и безопасности государства, а преступления террористического характера – к посягательствам на общественную безопасность. Таким образом, российское уголовное законодательство не отражает генетической связи экстремизма и терроризма. В литературе не раз высказывались пожелания четко размежевать терроризм и экстремизм [1, с. 7–8; 2, с. 17; 3, с. 128; 4, с. 53; 5, с. 421], однако вряд ли они перспективны.

Экстремизм означает приверженность к крайним формам разрешения социальных конфликтов, поэтому он допускает и обосновывает необходимость применения насильственных методов, в числе которых и различные проявления терроризма. Поэтому в теории уголовного права преобладает мнение, что терроризм является крайней и наиболее опасной формой экстремизма, что эти понятия соотносятся как видовое и родовое [6, с. 34; 7, с. 19; 8, с. 22; 9, с. 23, 45; 10, с. 9], а некоторые ученые даже выделяют терроризм экстремистов [11, с. 35]. Именно так понимается соотношение между экстремизмом и терроризмом в международном праве, в котором о терроризме говорится как об одном из проявлений экстремизма.

Например, в Преамбуле Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой 9 декабря 1994 г. Резолюцией 49/60 на 84-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [12, с. 90–94], выражается глубокая озабоченность тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм.

Решением от 21 июня 2000 г. «О Программе государств-участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года», принятом Советом глав государств стран Содружества Независимых Государств, на международном уровне было признано, что терроризм является одним из проявлений экстремизма. В соответствии с этим решением Правительство Российской Федерации Распоряжением от 21 ноября 2000 г. № 1643-р утвердило План мероприятий по реализации Программы государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г., международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм вместе с национальным и этническим сепаратизмом объявлены глобальным вызовом и кризисом современности (п. 40) [13].

Таким образом, анализ международно-правовых документов и нормативно-правовых актов России позволяет сделать вывод, что экстремизм и терроризм – это явления не только взаимосвязанные, но и взаимопроникающие. Терроризм обладает всеми признаками экстремизма плюс специфические признаки, присущие именно данному проявлению экстремизма, поэтому вполне правомерно ставить вопрос о преступлениях, которые обладают одновременно признаками и экстремизма, и терроризма. Однако российское национальное уголовное законодательство не знает таких составов преступлений, которые отражали бы реально существующий факт совершения преступлений террористического характера с признаками экстремизма. Следовательно, террористические акты, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а тем более – в составе экстремистского сообщества, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

В судебной практике именно таким должен быть подход к квалификации террористических актов, совершенных членами экстремистских организаций в общем русле их преступной деятельности. К сожалению, практика еще не в надлежащей мере использует этот инструмент борьбы с экстремизмом. По целому ряду уголовных дел суды констатируют в приговоре наличие экстремистских мотивов как идеологическую основу террористической деятельности организаций, но не дают этому надлежащей уголовно-правовой оценки.

Например, в описательной части приговора по делу К. и Д. суд констатировал, что К. с 1996 г. был членом исламской международной организации «Хизб ут Тахрир Аль Ислами» («Исламская партия освобождения»), «имеющей своей целью устранение неисламских правительств и установление правления во всемирном масштабе путем создания «Всемирного исламского халифата». Подсудимый Д. и другие завербованные им лица с 2000 г. по апрель 2003 г. изготавливали и распространяли запрещенную агитационную литературу, «содержащую в себе идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и призывающую к изменению существующего в России государственного строя и построению теократического исламского государств в форме “Халифата” путем тотальной исламизации населения, не исключая насильственных способов изменения конституционного строя, использования террора как формы политической борьбы»*. Признав подсудимых виновными по ст. 205¹ и 210 УК, суд почему-то не дал надлежащей правовой оценки фактам организации экстремистского сообщества (К.) и участию в нем (Д.).

Экстремистские мотивы при совершении террористического акта не получили уголовно-правовой оценки и в приговоре Московского городского суда от 2 февраля 2007 г. по делу Х., П. и Ш. Они были осуждены за бандитизм, убийства, террористические акты и другие преступления, совершенные при следующих обстоятельствах. Используя в качестве идеологической основы экстремистское исламское течение «ваххабизм», лидеры незаконных вооруженных формирований и террористических организаций Чечни и Дагестана создали единый руководящий и координирующий орган преступного сообщества – «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», имеющий целью образование на территории Северо-Кавказского региона исламского государства с шариатской формой правления. Вступив в данное преступное сообщество, подсудимые в рамках его программы организовали взрывы в поездах вагона московского метрополитена в районе станции «Кантемировская» (погиб 41 человек, пострадали свыше 240 человек), возле вестибюля станции метро «Рижская» (погибли 8 и пострадали свыше 60 человек), а также совершили другие преступления. Несмотря на явно экстремистскую программу преступной организации, подсудимым почему-то не была вменена ст. 282¹ УК**.

В практике нередки случаи, когда экстремистами совершаются взрывы, несущие человеческие жертвы и огромный экономический и моральный вред, но не выдвигаются какие-либо требования к органам власти или международным организациям. Примерами могут служить взрывы с использованием начиненных взрывчаткой автомашин на территории органов МВД в Дагестане и Ингушетии, на рынке в Северной Осетии, взрывы на путях Октябрьской железной дороги, на пляже в г. Сочи, на газопроводе вблизи г. Моздок и т.д. За эти взрывы никто не взял на себя ответственности и не предъявлял никаких требований в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, тем не менее, правоохрнительными органами уголовные дела возбуждались именно по признакам террористического акта. Такая квалификация полностью соответствует уголовно-политической сущности этого преступления, но не согласуется с законодательной характеристикой террористического акта, обязательным субъективным признаком которого является цель воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Квалификация террористических актов, совершенных хотя и без цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, но по экстремистским мотивам, была бы вполне обоснованной, если бы законодатель включил названные мотивы как альтернативу указанной в законе цели.

Следовательно, отсутствие в ст. 205 УК РФ указания на экстремистский мотив следует рассматривать как пробел в законе, не позволяющий дать надлежащую уголовно-правовую оценку террористическому акту, который совершается по экстремистским мотивам и не сопровождается целями воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Чтобы восполнить указанный пробел, представляется необходимым придать террористическому акту качество альтернативно-экстремистского преступления. Для этого следует ч. 1 ст. 205 УК РФ после слов: «международными организациями» дополнить словами: «либо совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Литература

1. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
2. Арутюнян Р.Ф. Противодействие организованному терроризму в Кавказском регионе СНГ. М., 2008.
3. Сысоев А.М. Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4.

4. Сысоев А.М. Современная система противодействия криминальному экстремизму: проблемы реализации и направления развития // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 5 (13).
5. Розенко С.В. Уголовно-правовая борьба с экстремизмом // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2009.
6. Устинов В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5.
7. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2004.
8. Долгова А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008.
9. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007.
10. Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
11. Васильченко А.А., Швыркин А.А. Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008.
12. Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. Т. 3.
13. Российская газета. 2000. 19 мая.